Жизнь человека на Севере

Прочитаю один стих, записанный в Евангелие от Марка 4:35

> 35 Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону.
>
> Евангелие от Марка 4 глава — Библия: https://bible.by/syn/41/4/

Друзья, мы хорошо знаем эту историю, когда случилась буря на море. И ученики Иисуса Христа будят Его, и говорят: «Или Тебе нужды нет, погибаем!». А потом они благополучно переправились на другую сторону. Но перед этим Иисус сказал им: «Переправимся на ту сторону». Если бы ученики сразу отдались в руки Иисуса Христа, если бы с первого момента, когда были на берегу и ещё не переправлялись, назначили бы Иисуса Лоцманом своим. Лоцман — это тот, кто указывает путь. Он сказал: «Переправимся на ту сторону», ни вправо, ни влево, а напрямую. И если бы они с самого начала отдали в руки Иисусу Христу свой путь: «Господи, если скажешь вот так, будет так, скажешь поднять паруса, скажешь грести правым веслом или левым веслом — будем грести» и не было бы переживаний у них и не было бы трудностей. Они бы благополучно переправились на ту сторону.

Я ещё в молодости, до того, как женился, назначил Лоцманом своим Иисуса Христа, хотя были моменты... когда вёл нехорошую жизнь, в армии у меня было совсем нехорошо. Я вспоминаю с болью те моменты, когда неправильно поступал. Придя из армии устроился на хорошую, высокооплачиваемую работу.

Я сам из города Железногорска, Курской области. У нас молодёжи много — 70 человек. И среди своих сверстников, среди молодёжи, я, можно сказать, больше всех получал финансовых средств. Добивался своего, купил дорогую машину. И жизнь моя постепенно вниз катилась, хотя служение было в Церкви, я был руководителем духового оркестра. И думал так, что я же Богу служу, и всё-таки в Церкви. Но дошло до того, что стал пропускать служения, сначала это из-за работы было, когда меня мастером назначили. Пропускал и среди недели, а потом и по воскресеньям перестал быть на служениях (по работе). И я думал, что всё это когда-то кончится,

но вдруг настал момент, в который пришлось оказаться перед выбором: или собрание или работа. И я выбрал - уволился с работы. Мне предложили поехать на Север, в город Нарьян-Мар, Ненецкий автономный округ. И я поехал туда в помощь для строительства Дома молитвы. Тогда уже я для себя решил, если с благовестием у меня не получается — буду строить. Я по специальности столяр и с того момента во многих городах удалось побывать по этой части. Когда я поехал в Нарьян-Мар, и там случился у меня переломный момент. И в сердце мысль: «Господи, если женюсь, то перееду обязательно, туда, куда Ты позовёшь меня?». Я себе не назначал какую-то точку, не назначал город, хотя в моём сердце остался Нарьян-Мар. И братья служителя так и говорили, что женись и переезжай вместе с семьей в Нарьян-Мар, здесь будет служение твоё.

Когда предложение поехал своей будущей жене делать, то сразу поставил условие... Но в тот момент, когда я сделал ей предложение, мы вообще впервые в жизни разговаривали. А условие такое, если пойдёшь за меня замуж, мы переедем куда-нибудь, скорее всего, на Север с благовестием. Позже она дала положительный ответ. На то время я жил в Астрахани, так как родители по служению переехали в этот город. Там тоже совершал служение и думал так: «Господи, наверное, Ты служение мне уже дал». Я руководителем молодёжи и регентом там был, с оркестром занимался. И думаю: «Господи, но куда ещё больше служений? Всё у меня здесь есть, буду здесь обосновываться и служение совершать». Но с самого первого дня, как мы только поженились, стали молиться: «Господи, если воля Твоя куда-то переехать, Ты Сам укажи. Мы не будем никому говорить из служителей. Мы не будем записки писать «Хотим переехать туда».

С самого первого дня совместной жизни начали молиться: «Господи, если Ты хочешь, чтобы мы переехали, Ты сам это усмотри».

Проходит где-то года полтора после того, как мы поженились. К нам в Астрахань приезжает Алексей Яковлевич Куркин. Служение прошло, он меня отзывает, а это сразу было после того событие, когда Саша Бем погиб на просторах Якутии. Алексей Яковлевич говорит мне, что туда, куда ехал Саша Бем, нужно переселить семью:

- Как ты отнесешься к тому, если вашу семью туда переселят?

Тогда я сразу сказал Алексею Яковлевичу:

- Мы молимся об этом. Не знаем куда поехать, но молимся о том, что если надо переехать, то мы готовы.

Переезд должен был быть в город Тикси и пока готовили документы на въезд, а это закрытый поселок, приграничная зона, туда уже переехали две семьи, с Пензы, откуда и сам Саша Бем. И они сказали, что куда Саша ехал, а это их друг ещё с молодежи, и мы хотим туда же переехать. А наши документы ещё не были готовы. Алексей Яковлевич звонит нам и говорит:

- Вы в другое место назначаетесь, поселок Черский (Черский — посёлок городского типа на крайнем северо-востоке Якутии, у границы с Чукоткой, в 1920 км северо-восточнее Якутска. Административный центр и крупнейший населённый пункт Нижнеколымского района).

Это устье Колымы. Река Колыма впадает в Восточно-Сибирское море, недалеко от нас это море. Посёлок расположен на берегу реки Колыма. Посёлок небольшой, около пяти тысяч населения. Я много читал за Север, много слышал за Север от братьев, которые ездили туда. И в моём представлении переехать на Север - это значит... избушка «заросшая» в снегу по крышу. Это значит там потребуется пилить лёд, дрова заготавливать на зиму, переживать морозы пятидесяти-шестидесяти градусные. Все в таком роде в моём представлении было. Когда я переехал в поселок Черский, моё представление о Севере радикально поменялось. Это такой благоустроенный посёлок. Вокруг одни 5-этажные дома, частных домов практически нет, за исключением нескольких строений. Все условия в домах, горячая и холодная вода, туалет и ванна, квартира двухкомнатная. Нас сначала две семьи туда переселились, но потом вторая семья уехали дальше, в Билибино на Чукотку.

Сегодня мне предложили говорить о трудностях служения на Севере, я вообще не люблю о трудностях говорить. Я старался, чтобы родные не знали, кауие мы переносим там трудности, бывали моменты, о которых, может быть, не стоило бы и вспоминать.

Сегодня было Слово такое, Давид пишет: «Межи мои прошли по прекрасным местам». А упоминалась его жизнь и какой она была: трудности, трудности и трудности.

Когда мы переехали, там верующих из нашего братства никогда не было. Нам сказали, чтобы мы не благовествовали, пока не пропишемся. Мы проявили непослушание в том, чтобы никто не узнал о нас. Мы приехали и сразу пианино купили. Две семьи каждый день собирались, хотя широкого благовестия не делали сначала, но каждый день приходили и пели. А слышимость такая, что если на первом этаже кто-то говорит, на пятом его слышно. А если петь, а у меня ещё голос громкий и мы все так старались петь, и... сразу же звонок в дверь.

- Вы верующие?

- Верующие.

Оказывается, пастор одной миссии над нами живёт. И после этой беседы каждый день стали приходить к нам. Вообще северная особенность такая, что там не наблюдают времени. Могут прийти в три часа ночи, в четыре, в пять, в шесть утра могут прийти. Там не спрашивают, спишь ли или на работу утром. Такая особенность. Зимой спят, а летом бодрствуют. Всё лето солнце там не заходит, а зимой солнце не показывается вообще.

Устроился я на работу. Были трудности разные, и смертельно-опасные были трудности. Не раз было такое, что могли уйти под воду на реке Колыме, и наша жизнь бы закончилась, если бы не Бог.

Здесь брат говорил немножко о чудесах. В моей жизни очень много было там чудес, и были явные чудеса.

Однажды пошли мы за водой, а вода очень грязная, особенно весной. И там не пьют такую воду. Мы пошли на реку Колыму за водой. Сделали прорубь. Уже конец мая был, прорубь сделали и ходили за водой, чтобы почище брать воду. И как-то мы пошли с братом туда и прошли этот прорубь как-то мимо и выходим на фарватер реки. Река Колыма в нашем месте

большая, около 6 километров. И вдруг я смотрю, у брата под ногами лед проминается и только успел имя его сказать и слово не закончить. И вдруг он проваливается, вёдра в одну сторону, а он уходит под воду. Я не знаю, какая реакция должна была быть у меня, я в нескольких метрах от него был. Но в тот момент я ни о чём не подумал, а кинулся к нему. И так Бог усмотрел. Что мы оба не утонули, под ногами как-то лёд твердый у меня был, или что. Я вытащил его, отползли мы в сторону, упали на колени, молились Богу.

Или другой случай, тоже там, на Колыме, осенью это было, ещё лёд не встал, у нас лодку украли, а потом нашлась лодка. И надо было перегнать её на другое место и находилось оно в метрах трехстах от нас. За одно решили и сеть проверить. Эти триста или четыреста метров мы, с братом Ренатом, перегоняли лодку с обеда и до самого позднего вечера, потому что ветер был противный, хотя и по течению реки. Ещё и вёсла сломали. И вдруг в это время образовалась шуга на реке — вода превращается сначала в кристаллики снега и постепенно замерзает. Температура воздуха снизилась и сети мы тогда не нашли, потому что уже темно было. Настал такой момент, что лодка дальше продвигаться перестала. Хотя шуга представляет собой мягкую кашу, до берега метров 700. Колыма очень бурная река. И встал вопрос — оставаться здесь до утра или пытаться переправиться как-то домой. Но если остаться, то можно замерзнуть. Я ему говорю:

- Ренат, давай помолимся и покатимся по реке…

- Ну, как катиться? Вода, как каша.

Я попробовал веслом вроде твердовато.

- Тебе весло, мне весло.

Он не согласился сначала я два весла взял: на одно весло лег — выдерживает, на второе весло ложусь и его закидываю, и так постепенно перебираюсь. Тогда Ренат говорит:

- Оставь, кинь мне одно весло.

Я кинул, и так мы перебирались. Потом было дело, что я провалился. А там, если провалишься, назад уже никак не выберешься. Ну, при всём желании никак не выберешься, потому что начинает ломаться кромка, а течение сильное на Колыме. И через несколько минут от переохлаждения можно умереть. И вот я провалился, но так Бог усмотрел, что провалился в том месте, где была коса. И до самого берега она тянулась, а глубина на этой косе мне по грудь где-то была. Я сам удивлялся, потом искали эту косу и не могли найти, мы всё время в этом месте ловили рыбу, и всегда в этом месте было около шести метров глубина до дна. И никогда этой косы там не было. Бог творит чудеса.

Благовествовали мы там вдвоём с женой. Было время, когда приезжал ко мне родной брат мой в помощь. Еще была семья, с которой мы совершали служение около года. Неженатые молодые братья приезжали к нам. С Чукотки приезжали для благовестия в помощь, по посёлкам благовествовали.

Вдвоем с женой уложим деток спать, а сами идём по квартирам, по магазинам, по домам, раздаём Евангелие и трактаты. Библиотечное служение было у нас каждое воскресенье,

независимо от того, какая погода. Так мы положили на сердце: «Господи, хоть какая погода, пусть будет это во свидетельство. Даже если никто не возьмет ни одного трактата в такую погоду, всё равно будем стоять». Стояли на этом служении и в дождь, и в снег, и такое было, что в 53 градуса мороза так же проводили библиотечное служение. А когда в мороз еще и ветер, то ощущения от него усиливаются в разы. А в то время был сильный, сильный ветер, который библиотеку нашу несколько раз сбивал и улетала она в сторону. Но мы ни разу библиотечное служение не отменили.

Я работал кочегаром-сторожем, по своей профессии не мог устроиться.

Живут там такие пять преобладающих национальностей: якуты, чукчи, эвены, юкагиры и русские. Якуты, они такие..., я не осуждаю их, просто анализирую, что они были злопамятные люди. Всё им доброе делаешь и всегда всё хорошее им, но один, только один раз что-то неправильно сделал или что-то не в угоду им — они доходят до того, что могут убить. К смертям на Севере, можно сказать, я даже немножко привык. Просто так убивают друг друга люди на улице. С автоматов стреляют, с карабинов в друг друга. Милиция протоколы напишет — сколько убитых, скольких в больницу увезли и это практически всё на глазах у людей происходит. И потом мало кого судят, особенно если коренные жители и как-то всё с рук сходит. Убил несколько человек — условно дали, полгода или год.

Однажды приехали братья к нам на «КАМАЗе»с Алексеем Яковлевичем Куркиным. А я как раз на смене стоял и должен был утром поменяться, а они вечером приехали. Я встретил их, ночь отстаиваю на дежурстве, пока братья спят, и утром пора смену сдавать, приходит якут, сменщик мой, и говорит, что надо мне за него постоять еще одну смену. Я ему объясняю:

- Ты представляешь, Степан, у меня братья приехали, ты знаешь, сколько я их ждал? Ты знаешь всё это? Я никак не могу.

Степан ничего не сказал. В день отъезда братьев я прихожу на работу, его меняю и там такая картина, захожу в кочегарку, валяется в крови человек, я его не знал, стоит этот Степан с ножом в руке, вокруг всё в крови, всё разбито: телевизор их разбит, стёкла разбиты, кругом беспорядок. Захожу, а он к двери и ко мне:

- Вот и ты попался! Одного завалил, сейчас тебя..., ты за меня не остался работать, теперь поплатишься жизнью.

В такую ситуацию я никогда не попадал, хотя особого страха не ощутил, но вижу, что он-то с ножом, а ножи у них большие, охотничьи. Степан сам хоть и крепкий, здоровенький, но маленький. У якутов особенность такая — маленькие они. Я сразу оценил обстановку и думаю: выбить нож или попытаться его уговорить? Сначала говорю ему:

- Степан, подожди, давай по-хорошему…

А он по-хорошему даже слышать не хочет.

- Всё! Я сказал тебе!

Но так понемногу разговариваем, разговариваем, и он мне говорит:

- Давай, на колени становись передо мной и это единственный шанс твой, чтобы тебе выжить. На колени становись!

- Знаешь, Степан, я только перед Богом на коленях стоял, а перед людьми никогда не стоял на коленях, и перед тобой не встану.

- Всё, прощайся с жизнью…

Я так спокойно рассказываю сейчас, а там всё это бурно очень происходило. Я не мог сориентироваться, тут человек в крови лежит... Хоть я и много смертей видел, и у меня на руках было, что умирали, но вокруг была обстановка подавляющая здоровую психику. Пока с ним разговаривал, я про себя молился, взывал к Богу и в какой-то момент хватаю его и выбиваю нож из руки, скрутил его... На тот момент еще люди подошли, я им отдал этого Степана и говорю:
- Пока порядок не наведёте, не вызывайте меня, я пошёл домой.

И так Бог дал ещё встречу с братьями, которые должны были уехать. Я пришёл, рассказал им, помолились, что Бог так сохранил жизнь. Я твёрдо знаю, что никакого труда не составляет им кого-то зарезать, повесить, замучить заживо — это для них как собаку зарезать.

А вообще, вспоминая весь пройденный путь, я как Давид могу сказать, что межи мои прошли по прекрасным местам и наследие мое приятно мне.

Когда меня в Сибири попросили рассказать о жизни на Севере и я про трудности свидетельствовал, но братья меня поправили и сказали, что может быть не стоило трудности рассказывать, потому что никто, наверное, не поедет на Север. И как раз в Черский сейчас требуется семья, чтобы переехать туда. Но хочу сказать, что с Господом всегда хорошо, где бы мы ни были, что бы мы ни делали, если наш Лоцман Иисус Христос, Который управляет путём.

Поможет нам Господь, чтобы мы пошли этим путём, в руки этот путь вверили Господу, и тогда Он поведёт нас именно Своим путём. И потом мы тоже сможем такие слова сказать: Межи мои прошли по прекрасным местам.

Амин.

Комментарии
